

ДОГОВОРЫ РУСИ И ВИЗАНТИИ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА КИЕВСКОЙ РУСИ

Аннотация. В современных условиях решающее значение приобретает поиск новых концептуальных подходов к проблеме урегулирования наследственных отношений, что влечет за собой необходимость пересмотра базовых юридических концепций и теорий, выбор новых для современной России основ правового регулирования наследственных отношений, что, в свою очередь, влечет пересмотр стратегии и определение существенных черт процесса зарождения и развития этих отношений.

Институт наследования получил широкое освещение в российской цивилистике, однако исторические исследования процессов зарождения и развития наследственных отношений являются достаточно редкими. И одним из дискуссионных вопросов в истории наследственного права является определение места договоров Руси и Византии в системе источников наследственного права. Указанной проблеме и посвящена данная статья.

Ключевые слова: наследование, наследственное право, договоры Руси с Византией, 907, 911, 944 и 971 гг., Русская правда, византийское право, боярин, варяг, завещание.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.128.7.198-206

Одними из первых достоверных сведений об урегулировании отношений наследования в Древнерусском государстве традиционно считаются договоры Руси с Византией. Процессы социально-классового расслоения древнерусского общества и формирования слоя крупных владельцев начинают особенно заявлять о себе еще в конце IX — в начале X в., потому уже в этих договорах — 907, 911, 944 и 971 гг. (хотя в договорах Олега содержатся и ссылки на договор 865 г., т.е. заключенный еще Аскольд¹) — вспоминаются «светлые» и «великие

князья», «князья», «великие бояре», «бояре». Б. Д. Греков по этому поводу писал: «Сейчас мы можем не сомневаться, что все эти знатные и облеченные властью “мужи” были крупными землевладельцами. И, что особенно важно для нас сейчас подчеркнуть, — землевладельцами не со вчерашнего дня, а имеющими свою длительную историю, успевшими окрепнуть в своих вотчинах»².

Некоторые исследователи, разделяя приведенную точку зрения Б. Д. Грекова, считали, что это является свидетельством в пользу существо-

¹ Рубаник В. Е. Собственность в истории российской и украинской систем права: общее и особенное (отношения собственности в восточнославянской традиции правового регулирования : историко-правовое исследование). Харьков, 2004. С. 161.

² Греков Б. Д. Киевская Русь. М.-Л., 1953. С. 524.

© Трифонов С. Г., 2017

* Трифонов Сергей Геннадиевич, кандидат юридических наук, декан Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

sergey3fonov@yandex.ru

295006, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, д. 5

вания института права частной собственности в Киевской Руси уже в период договоров с греками³. При этом ими подвергалась сомнению точка зрения Д. Я. Самоквасова, который, изучая этот вопрос, специально акцентировал, что «...в источниках не имеется указаний на существование института частной... собственности у наших предков эпохи договоров с греками»⁴.

Обращение к этим памятникам и их анализ неминуемо ставят вопрос о рецепции византийского права и применении его предписаний и норм на славянской почве, а также о влиянии на урегулирование отношений наследования у восточных славян правовых систем других народов, с которыми славяне так или иначе контактировали.

Первыми законодательными памятниками, положившими начало урегулированию отношений наследования у славян, традиционно принято считать договоры Руси с греками 907, 911, 944, 971 гг. Как замечали А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин, «...славяне вступили в соприкосновение с Восточной Римской империей, когда у них еще не сложилось классовое общество, а эксплуатация рабов носила патриархальный характер. Война, которую прежде вели для того, чтобы отомстить за нападение соседей, стала промыслом, обогащала знать»⁵.

Н. А. Лавровский доказывал, что текст русско-византийских договоров был переведен на русский язык с греческого; списки с них, скрепленные сторонами, имели равную силу и достоверность с оригиналами⁶. С. М. Каштанов установил, что условия договоров вырабатывались совместно русской и византийской сторонами в соответствии с инструкциями своих правителей, но на базе византийской канцелярской практики, особенностями которой и объясняется архитектура тех текстов, которые дошли до нас⁷.

И. Губе⁸, И. Д. Беляев видели в этих и следующих договорах Руси с греками «начало чисто русского закона о наследовании»⁹. «Учение о наследстве, — писал, в частности, И. Д. Беляев, — в договоре Олега с греками высказалось довольно темно; договор лишь намекнул, что право наследства по закону принадлежит одному только нисходящему потомству. Но этот намек явился вполне согласным с определенным и ясным учением Русской Правды о том же предмете, появившемся письменно в XII стол., и поставил русское учение о наследстве в полном сочувствии и родстве со всеми славянскими законодательствами, образовавшимися в исконном общинном быте, и в то же время показал, что учение сие в самых основах своих разногласит с учением о наследстве у германцев и у других народов, живших под влиянием родового быта»¹⁰.

С такой точкой зрения не соглашались К. Д. Кавелин, К. А. Неволин, П. П. Цитович, В. Н. Никольский. В частности, В. Н. Никольский относительно тезиса И. Д. Беляева замечал: «На основании договора Олега с греками нет возможности делать какие бы то ни было заключения и посылки о наследовании в это время у славян, не смешивая двух народностей, совершенно различных между собою. Тем не менее наши исследователи до сего времени не затрудняются рассматривать договор с греками как памятник чисто славянского права»¹¹, отмечая, что «...г. Беляев сильно грешит и против значения договора Олега, смешивая участвовавшие в нем народности, и против Духа времени, занося несвойственные ему понятия и представления», и что «в рассматриваемое время, ни у руссов, ни у славян наследственного права в том виде, как предполагает его Беляев, быть не могло и не было»¹².

³ Рубаник В. Е. Указ. соч. С. 164—165.

⁴ Самоквасов Д. Я. Древнее русское право. М., 1903. С. 187.

⁵ Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. С. 40.

⁶ Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853. С. 48.

⁷ Каштанов С. М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 215.

⁸ Губе И. История древнего наследственного права у славян // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единовременных и единоплеменных. М., 1845. Т. 1. С. 97.

⁹ Беляев И. Д. О наследстве без завещания. М., 1858. С. 8.

¹⁰ Беляев И. Д. Указ. соч. С. 37.

¹¹ Указ. соч. С. 214.

¹² Указ. соч. С. 215, 219.

В последующий период М. И. Корнеева-Петрулан высказала предположение, что списки договоров Руси с Византией имели не юридическое, а символическое значение, представляя верховных правителей стран, между которыми заключался договор, и служили свидетелем их личной верности договору¹³. Другой точки зрения придерживался Р. Л. Хачатуров, отмечая, что «...рассматриваемые договоры не только юридически оформили, но и оказали активное влияние на международные отношения между Древнерусским государством и империей»¹⁴.

Обращение к тексту договора 911 г., который, в сущности, является дополнением и развитием договора 907 г., позволяет найти в нем три статьи, по поводу которых возможно вести речь как об имущественных отношениях вообще, так и об отношениях собственности и наследования в период до Русской Правды: 1. «Аще кто умрет, не урядив своего имения, ци своих не имать, да возвратит имение к малым ближникам в Русь». 2. «Аще ли сотворит обряжение, да таковой возьмет уряженное его, да наследит от взымающих куплю Руси, от рахличных ходящих в греки и должающих». 3. «Аще ли убежит сотворивший убийство, да аще ли есть имовит, да часть его, сиречь иже его будет по закону, да возьмет ближний убиеннаго, а и жена убившаго, да имать, толицем же пребудет по закону»¹⁵.

На основании этих статей была создана целостная, достаточно полная система русского права наследования, о которой, впрочем, как замечал П. П. Цитович, «...нет и помину во все время от договора с греками до Русской Правды последней редакции, т.е. около трех столетий»¹⁶. Согласно этой системе взглядов выделялись четыре принципиальных момента:

- 1) вроде бы договор Олега знает и проводит разницу между наследованием по завещанию и по закону, предоставляя преимущество первому;
- 2) в договорах окончательно утвердилась та догма, что к наследованию призывались

лишь наследники, которые определялись на семейных началах;

- 3) тот, кто умирал, не был ничем ограниченным в своих предсмертных распоряжениях относительно принадлежащего ему имущества; отсюда следовало, что субъективная воля признавалась безграничной и безусловной;
- 4) признавалась определенная доля в имуществе, которая в обязательном порядке подлежала наследованию женой умершего, а также неприкосновенность ее приданого, а может, и вено.

«Едва ли хотя одно из этих положений, — писал П. П. Цитович, — имеет под собою прочную основу, едва ли хотя одно из них не *concludit a precario*, и мы с таким же правом можем утверждать, что приведенные статьи договора разве дают повод поговорить о наследовании, а никак не дают указаний, по которым бы можно было хотя приблизительно воссоздать это наследование в том виде, в каком оно существовало в рассматриваемую эпоху»¹⁷. В. Н. Никольский отмечал, что «в договоре Олега с греками вопрос состоит не в том, кто наследует по законам крови (это, конечно, какие-нибудь новые законы; или, прибавим, по другому основанию, если б даже в то время такое основание и было), а в том, как распорядиться имуществом, если умерший не имел при себе родственников»¹⁸.

Синтез и консолидация существующих вариантов перевода отмеченных статей, проведенные автором, дают в своей совокупности следующее:

1. Если кто-то из тех, кто работает (состоит на службе) в Византии, у христианского царя, умрет, не сделав распоряжений относительно своего имущества, и не будет при нем никого из своих, то царь обязан вернуть указанное имущество в Русь близким умершего.

2. Если умирающий сделает распоряжение, тогда имущество возьмет тот, кому оно должно быть передано согласно распоряжению умершего, а наследует тот, кто записан наследни-

¹³ Корнеева-Петрулан М. И. К изучению состава и языка договоров русских с греками // Ученые записки МГУ. М., 1952. Вып. 150. С. 274—275.

¹⁴ Хачатуров Р. Л. Становление права. Тбилиси, 1988. С. 105.

¹⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. СПб., 1889. С. 19—20.

¹⁶ Цитович П. П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870. С. 12.

¹⁷ Цитович П. П. Указ. соч. С. 13.

¹⁸ Никольский В. Н. О началах наследования в древнейшем русском праве. М., 1859. С. 211.

ком, и получит наследство через тех, кто торгует в Византии и имеет имущественные дела там.

Следовательно, получается, что обе статьи имеют перед собой следующий случай: русич умирает в Византии, не имея при себе никого из своих, — кого бы ни понимать под этими «своими». Заметим, что подобное случалось очень часто с теми «искателями приключений», которые из Руси следовали на службу в Византию.

Естественно, возникал вопрос: как при этом поступить с имуществом умершего? Имущество это считалось имуществом варвара, и по византийскому праву, должно было принадлежать претензиям византийского фиска. Это противоречило интересам русичей, и им для защиты своих имущественных прав надлежало употребить каких-то меры. Именно такие меры и были употреблены договором Олега. В. Н. Никольский, который подробнее других авторов рассматривал проблемы наследования имущества в договорах Руси с греками, в частности, писал: «Вопрос для Олега настоял только относительно руссов, служивших у христианского царя, которые необходимо делались временными его подданными. Для этого Олег вводит в свой договор обычное северным народам постановление, подобное тем, какие существовали в Исландии, но которое под влиянием византийских понятий и языка получило вид узаконения о наследстве по закону и завещанию»¹⁹. На этот же момент обращал внимание и Н. А. Лавровский²⁰.

Раскрывая причины появления такой статьи в договоре Олега, В. Н. Никольский указывал, что «...существо требований руссов состояло по отношению к Греции в том, чтобы имущество русса, умершего без родственников в Греции, было доставлено его наследникам посредством взимающих куплю, Руси, от различных ходящих в Грецию и должаящих... Это простое требование греки, которые рассматривали оставшееся имущество как наследство, и выразили в правильной юридической форме по двум способам наследования: по закону и по завещанию, что чувствуется в самом языке, так

как статья эта есть буквальный перевод греческого подлинника, который сам собою явно читается между строками»²¹.

«Договоры, — отмечал Н. А. Лавровский, — писались греками, как народом грамотным, потом были переведены на славянский язык... У славян не только не было выражений, но даже понятий о многих из тех предметов, о которых пришлось варягам толковать с греками»²². Отсюда, очевидно, следует считать, что одно и то же выражение для греков у варягов и славян могло иметь совсем иное содержание и значение, поскольку каждый народ понимал его по своему представлению и согласно своему собственному быту, т.е., разделяя точку зрения П. П. Цитовича, можно заключить, что «...буквальному смыслу... договоров отнюдь не должно доверять, если бы даже они и были разобраны филологически, но принимать каждое их положение следует не иначе, как только по соображению с общим бытом и характером того и другого народа»²³. Не стоит, наверное, оставлять без внимания и тот существенный момент, что списки этих договоров появляются не раньше XIV—XV в., первоначально язык их написания был церковнославянским, а на русский язык тексты договоров были переведены только последующими переписчиками.

Характерным для договора 911 г. является и то, что приведенные статьи касаются лишь варягов, которые находились на службе в Византии; лиц же, которые попадали в Византию при других обстоятельствах, — например, при ведении торговли, — договор Олега совсем не касается: эти лица не становились временными подданными Византии и относительно них порядок наследования имущества выглядел по-другому. Имущество, которое оставалось после того из иностранцев, кто умирал в Византии без родственников, прежде всего доставалось его землякам, товарищам, которые затем передавали его при первой же возможности законным наследникам умершего²⁴. Если же земляков не оказывалось, то к получению такого имущества призывались местные жители, которые обя-

¹⁹ Никольский В. Н. Указ. соч. С. 222.

²⁰ Лавровский Н. А. Указ. соч. С. 129.

²¹ Лавровский Н. А. Указ. соч. С. 223. С. 224. Прим. 1.

²² Указ. соч. С. 76—77.

²³ Цитович П. П. Указ. соч. С. 15.

²⁴ Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Вестник древней истории. М., 1939. № 1 (6). С. 306.

заны были оценить это имущество, хранить, получая за хранение *Proventus*, доходы от имущества, и, наконец, вернуть законным наследникам, если таковые отыщутся. Такая задача имущества, как отмечал В. Н. Никольский, была обусловлена явкой самих наследников, и совершалась не для всех народов одинаково благоприятно, будучи зависимой от того, в каких отношениях с ними находилась Византия²⁵.

Таким образом, возможным является констатировать, что статья «Аще кто умрет...» возникла не из обычаев или законов о наследовании того или другого народа, который вступил в договор, но из обстоятельств времени, из того особенного, исключительного положения, в котором находились русы, которые служили в Греции. Как отмечал в этой связи В. Н. Никольский, «...здесь прежде всего имеется в виду не наследство (наследование?), а *сохранение*, сбережение и доставление по принадлежности имущества умершего на чужой стороне, — обыкновенным правилам наследования здесь не было места. Постановления эти установлены именно на тот случай, когда обыкновенный порядок наследования не мог быть приложен»²⁶. П. П. Цитович же замечал, что «...обе статьи имеют целью устранить претензии византийского фиска — и только»²⁷.

Если это все так, то очевидно, что обе характеризуются статьи, если и относятся к наследованию, то разве что как определения, которые имеют охранительные свойства, а не как предписания материального порядка: они совсем не имеют целью определить отношение наследования по завещанию к наследованию по закону или установить круг лиц, которые призываются к наследованию, и порядок их допущения. Эти статьи договора Олега устанавливают исключительный порядок сохранения имущества лиц военного (служилого) сословия, которые умерли на чужбине при отсутствии их родственников.

В договоре однако упоминаются «ближники» — в разных списках и переводах «малые» или «милые». И. Д. Беляев считал, что «...под “малыми ближниками”, по соображению с последующим законодательством, преимущественно с Русскою Правдой, нужно разуместь лишь одних нисходящих, и именно — ближайших, т.е. детей и внуков», а под «...наследниками по русскому закону X ст. признавались только нисходящие, дети, внуки и правнуки, и отнюдь не все родство»²⁸. Однако В. Н. Никольский, не соглашаясь с И. Д. Беляевым, отмечал, что он «...напрасно... увлекшись сомнительным словом “малые” или “милые ближники”, установил свою систему наследования у славян в это время в одной нисходящей линии; и между боковым родством могут быть малые и милые»²⁹.

«Слова “свои”, “малые” или “милые” ближники, — писал П. П. Цитович, — есть буквальный перевод византийских технических выражений — *sui, propingui, proximi*»³⁰. А по мнению В. Н. Никольского, «...по отношению к руссам эти выражения не могли иметь никакого определенного значения, ибо состав его родства, окружавшего русса в Греции, зависел от обстоятельств случая, смотря по тому, кто мог или хотел отправиться с ним. Но если бы даже и принять, что с выражениями этими и для руссов связаны были определенные представления о родстве, то малые или милые ближники все-таки не могут означать детей умершего, ибо как латинские выражения *propingui, proximi, proximiores propingui, propinguitate proximi*, так и наши ближние, по общепринятому их значению, означают дальнейших боковых родственников, в противоположность ближайшим нисходящим»³¹.

Проводя аналогию с постановлениями Русской Правды относительно предоставления ею права осуществления кровной мести, В. Н. Никольский³² и К. А. Неволин³³ определяли и сам круг «ближников». Однако, по нашему мне-

²⁵ Никольский В. Н. О началах наследования в древнейшем русском праве. М., 1859. С. 221—222.

²⁶ Указ. соч. С. 211.

²⁷ Цитович П. П. Указ. соч. С. 17.

²⁸ Беляев И. Д. О наследстве без завещания. М., 1858. С. 10,11.

²⁹ Никольский В. Н. Указ. соч. С. 95.

³⁰ Цитович П. П. Указ. соч. С. 18.

³¹ Никольский В. Н. Указ. соч. С. 224—225. Прим. 1.

³² Никольский В. Н. Указ. соч. С.245.

³³ Неволин К. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1858. Т. 5. История российских гражданских законов. Ч. 3. Кн. 2. Об имуществах. Разд. 3. О правах на действия лиц ; разд. 4. О наследстве. С. 286, 334.

нию, вряд ли такую аналогию можно считать не только достоверной, но и просто допустимой. В Краткой Правде родственники, которые должны отомстить за убитого, перечисляются в таком порядке: 1) брат; 2) сын; 3) отец; 4) племянник от брата; 5) племянник от сестры. Если принять, что в таком же порядке они и наследовали, то остается непонятным, на каких основаниях отец мог наследовать после брата и сына? Это не соотносится ни с какими известными до этого времени другими порядками наследования: ни по одному из них сын не отстранял от наследования отца.

К. Д. Кавелин отмечал, что «...Русская Правда вовсе не указывает на порядок, в котором право мести переходит от одного лица к другому. Она говорит, что мстит за брата брат, или за отца сын, либо за сына отец, или за дядю племянник от брата, либо за дядю племянник от сестры. Стало быть, исчисляется только, *кто за кого может* мстить, и не показано, *кто после кого*»³⁴. Как представляется, даже это перечисление не является полным, поскольку если за отца мстит сын, а за сына отец, то почему бы — при разрешении племяннику мстить за дядю — дядя не имел права мстить за племянника? Однако об этом в Правде ничего не сказано.

В постановлениях Русской Правды относительно мести возможным является видеть попытку законодателя ограничить круг лиц, которым предоставлялось право мести. Относительно же отыскания и в Правде, и в предшествующих ей договорах Руси с Византией стремления законодателя к ограничению подобным путем круга наследников, то искать такую попытку было бы, по замечанию П. П. Цитовича, «совершенно произвольным»³⁵, поскольку с течением времени, как это отмечал А. П. Куницын, «...круг лиц, призываемых к наследованию, расширялся, а не суживался»³⁶.

Что же касается третьей статьи — «Аще убьет христианин русина, или русин христианина, то убийца да умрет на месте, где совершит

убийство; если же убийца скроется и будет имовит, то имение его пусть возьмет ближний убиенного, причем имущество жены остается неприкосновенным», — то отметим, что в договоре Игоря 944 г. об этих «правах жены» нет никакого упоминания. По мнению К. Д. Кавелина, «...право жены получать часть из имения мужа не было русским обычаем и введено в договор только для совершенного уравнения руссов, живших в Константинополе, с греками, у которых существовал такой закон»³⁷. Действительно, как показывает обращение к тексту, статья эта ничего конкретного не говорит о порядке наследования имущества, а лишь устанавливает ответственность убийцы за совершенное им преступление на почве мести. В. Я. Шульгин вполне обосновано замечал, что «...на основании этой статьи нет возможности делать какие-нибудь посылки к современному быту у славян и к порядку наследования в то время вообще на Руси»³⁸.

Из изложенного вытекает, что договоры Руси с Византией в истории русского права наследования могут рассматриваться лишь со значительной осторожностью, преимущественно как памятники, которыми устанавливается порядок охраны и доставки надлежащего имущества, оставшегося после умершего в Византии служилого варяга, и никак при этом не определяются какая-либо система, общий порядок наследования. Не указывает на какой-либо порядок призвания к наследованию и использование слов «малые» или «милые ближники», а также не определено, что именно относится к имуществу жены, которое «остается неприкосновенным» после того, как «ближний убиенного» возьмет себе «имение» ее мужа-преступника. Предположения В. Я. Шульгина, что это есть приданое и вено, являет собой лишь догадку, и не более того³⁹. Уже только из этого следует, что постановлениями договоров нельзя пользоваться для каких-либо выводов относительно установления системы насле-

³⁴ Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка наследования и сопоставление теперешнего русского законодательства об этом предмете с римским, французским и прусским. СПб., 1860. С. 16.

³⁵ Цитович П. П. Указ. соч. С. 19.

³⁶ Куницын А. О правах наследства лиц женского пола : речь в Харьковском университете. Харьков, 1844. С. 87.

³⁷ Кавелин К. Д. Указ. соч. С. 15.

³⁸ Шульгин В. Я. О состоянии женщины в России до Петра Великого. М., 1850. С. 67.

³⁹ Шульгин В. Я. Указ. соч. С. 68.

дования в Руси X столетия, даже если и допустить, как замечал П. П. Цитович, что по своим целям и способам своего возникновения эти договоры были памятниками такого рода, что могли содержать в себе определения русского позитивного права⁴⁰. Что же касается порядка наследования, то, по словам В. Н. Никольского, он определялся «тем сознанием близости или отдаленности родства, которое имели варяго-русы, т.е. скандинавы, и которое они выразили в постановлениях *Grägas*»⁴¹.

По договорам Руси с Византией сложно определить даже характер и значение такого памятника, который мог бы содержать нормы русского позитивного права. Во-первых, это договоры, а договор — это совсем не то, что законодательный или вообще юридический памятник внутреннего происхождения. Во-вторых, договоры эти являются соглашениями представителей двух народов, а значит — не лишены влияния византийского и скандинавского права. В-третьих, цель договора (по крайней мере, в тех статьях, где речь идет о наследовании) заключается в выводе русичей из-под постановлений византийского законодательства относительно прав фиска на *caduca*. А потому, как замечал Ф. Витте, «...те положения договоров, которые касаются наследственного права, могут рассматриваться лишь как такие, которые предопределяются безотлагательными обстоятельствами по отношению к ограничению права греческого фиска [на имущество русина], а потому еще не могут приобретать значения нормы»⁴².

Как прецедент для письменной формулировки внутреннего русского права договоры тоже вряд ли могли иметь какое-либо определяющее значение. Для этого они, как отмечал П. П. Цитович, «стояли слишком в стороне от общего хода русского юридического развития;

и как соглашение, с одной стороны, варягов, с другой — греков, были одновременно продуктом византийских и скандинавских воззрений. Если так, то содержанием этих памятников мы не можем воспользоваться даже и для решения вопроса о том, составляет ли завещательное наследование исконный институт русского наследования, или же нет»⁴³.

Таким образом, анализ как самих постановлений договоров Руси с греками, так и выражаемых в науке точек зрения, касающихся их оценки относительно возможности использования для изучения истории наследственного права, дает основания утверждать, что нельзя эту историю вести от указанных договоров. Во-первых, она не может начинаться где-то за пределами русской земли, поскольку, как известно, территорией действия этих договоров являлась прежде всего Византия. Во-вторых, памятники эти не являются документами собственно русского права, и потому тот факт, что в некоторых из постановлений договоров содержатся предписания относительно наследования имущества, может быть лишь поводом, но никоим образом не материалом для того, чтобы делать какие-либо предположения или догадки о порядке распоряжения имуществом у русичей до Русской Правды. Выделяя договоры Руси с греками из истории русского наследственного права, считаем, что начальным этапом в правовом урегулировании отношений наследования на Руси выступала именно Русская Правда, предписаниями которой и был впервые зафиксирован существующий у восточных славян соответственно их обычаям и юридическим традициям порядок урегулирования наследственных отношений вместе с новеллами, привнесенными туда законодательной деятельностью княжеской власти и судебной практикой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беляев И. Д. О наследстве без завещания. — М., 1858.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. — Вып. 1. — СПб., 1889.
3. Греков Б. Д. Киевская Русь. — М., 1953.

⁴⁰ Цитович П. П. Указ. соч. С. 21.

⁴¹ Никольский В. Н. Указ. соч. С. 95.

⁴² Witte F. Ein Blick auf die geschichtl. Entwicklung die älter russische Erbrechts, bis zum Gesetzbuche der Zaren Alexei Michailovitsch. SPb., 1848. S. 26.

⁴³ Цитович П. П. Указ. соч. С. 23.

4. Губе И. История древнего наследственного права у славян // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единовременных и единоплеменных. — М., 1845. — Т. 1.
5. Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка наследования и сопоставление теперешнего русского законодательства об этом предмете с римским, французским и прусским. — СПб., 1860.
6. Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. — М., 1958.
7. Каштанов С. М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. — М., 1972.
8. Корнеева-Петрулан М. И. К изучению состава и языка договоров русских с греками // Ученые записки МГУ. — Вып.150. — М., 1952.
9. Куницын А. О правах наследства лиц женского пола : речь в Харьковском университете. — Харьков, 1844.
10. Лавровский Н. А. О византийском элементе в языках договоров русских с греками. — СПб., 1853.
11. Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи // Вестник древней истории. — М., 1939. — № 1 (6).
12. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. — СПб., 1858. — Т. 5. История российских гражданских законов. — Ч. 3. — Кн. 2. Об имуществах. — Разд. 3. О правах на действия лиц ; разд. 4. О наследстве.
13. Никольский В. Н. О началах наследования в древнейшем русском праве. — М., 1859.
14. Рубаник В. Е. Собственность в истории российской и украинской систем права : общее и особенное (Отношения собственности в восточнославянской традиции правового регулирования: историко-правовое исследование). — Харьков, 2004.
15. Самоквасов Д. Я. Древнее русское право. — М., 1903.
16. Хачатуров Р. Л. Становление права (на материалах Киевской Руси). — Тбилиси, 1988.
17. Цитович П. П. Исходные моменты в истории русского права наследования. — Харьков, 1870.
18. Шульгин В. Я. О состоянии женщины в России до Петра Великого. — М., 1850.
19. Witte F. Ein Blick auf die Geschichte. Entwicklung die älter russische Erbrechts, bis zum Gesetzbuche der Zaren Alexei Michailovitsch. — SPb., 1848.

Материал поступил в редакцию 21 января 2017 г.

RUSSIA AND BYZANTIUM TREATIES IN THE SYSTEM OF SOURCES OF INHERITANCE LAW OF THE KIEVAN RUS

TRIFONOV Sergei Gennadievich — PhD in Law, Dean of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice
 sergey3fonov@yandex.ru
 295006, Russia, Crimea, Simferopol, Pavlenko Str., 5

Review. *In modern conditions it has become crucial to search for new conceptual approaches to resolving inheritance relations that entail the need to revise the basic legal concepts and theories, selection of new for modern Russia foundations of legal regulation of inheritance relations, which, in turn, leads to the revision of the strategy and the definition of the essential traits of the process of the origin and development of these relations.*

Inheritance has received wide coverage in the Russian Civil Law, but historical research into the processes of generation and development of genetic relationships are rare. One of the issues in the history of the inheritance law is to determine the place of Russia and Byzantium treaties in the system of sources of inheritance law. The issue is the subject of this article.

Keywords: *inheritance, inheritance law, Russia and Byzantium treaties, 907, 911, 944 and 971, Russkaya Pravda, Byzantine law, Boyar, Vikings, will.*

BIBLIOGRAPHY

1. Belyaev, I. D. On Inheritance without a Will. — М., 1858.
2. Vladimirskiy-Budanov, M. F. Anthology on the History of the Russian Law. — Vol. 1. — Spb., 1889.
3. Grekov, B. D. Kievan Rus. — М., 1953.
4. Gube, I. History of the Ancient Slavs Inheritance Law // Collection of Historical and Statistical Data about Russia and the Contemporary Peoples. — Т. 1. — М., 1845.

5. *Kavelin, K. D.* The Perspective on Historical Development of Russian Inheritance Law and Comparison of the Present Russian Legislation on this Subject with the Roman, French and Prussian. — Spb., 1860.
6. *Kazhdan, A. P., Litavrin, G. G.* Essays on the History of Byzantium and Southern Slavs. — M., 1958.
7. *Kashtanov, S. M.* On the Procedure for the Conclusion of Contracts between Byzantium and Russia in 10th century // Feudal Russia in the World History Process. — M., 1972.
8. *Korneeva-Petrulan, M. I.* To Study of the Composition and the Language of Russian Contracts with the Greeks // MSU Memoires. — M., 1952. — No.150.
9. *Kunitsyn, A.* On the Inheritance Rights of Women: Speech at Kharkov University. — Kharkov, 1844.
10. *Lavrovskiy, N. N.* On the Byzantine Element in Russian Contracts with the Greeks. — pb., 1853.
11. *Mishulin, A.V.* Ancient Slavs and the Fate of the Eastern Roman Empire //Journal of Ancient History. — M., 1939. — No. 1 (6).
12. *Nevolin, K. A.* Complete Edition. -Vol. 5. History of Russian Civil Law. -Part 3. In.:2 On Assets. -Section 3. On the Rights Persons' Actions; Section. 4. On Inheritance. -Spb., 1858.
13. *Nicholskiy, V. N.* On the Origins of Inheritance in the Ancient Russian Law. — M., 1859.
14. *Rubanik, V. E.* Property in the History of Russian and Ukrainian Legal Systems: General and Special (Property Relations in East Slavic Traditions of Legal Regulation: Legal and Historical Research). -Kharkov, 2004.
15. *Samokvasov, D. Ya.* Ancient Russian Law. -M., 1903.
16. *Khachaturov, R. I.* The Formation of the Law (Based on Materials of Kievan Rus). — Tbilisi, 1988.
17. *Tsitovich, P. P.* Original Moments in the History of the Russian Law of Succession. — Kharkov, 1870.
18. *Shulgin, V. Ya.* On the Status of Women in Russia before Peter the Great. — M., 1850.
19. *Witte F.* Ein Blick auf die Geschichte. Die Entwicklung älter russische Erbrechts, bis zum Gesetzbuche der Zaren Alexei Michailovitsch. — SPb., 1848.